

1

Туман лег на улицы, значит, потеплело. Он клубился в полуметре от земли, а у самой поверхности ее слегка «дышал», шевелился, двигался, как живое существо, хотя его ничто не тревожило — погода стояла безветренная.

Из этого тумана, словно на листе белой фотобумаги, проявилась одинокая женская фигурка. Высоко привстав на пальцах, она осторожно ступала босыми ногами и, будто идя по топкому болоту, тщательно выбирала, на какой камень брусчатки наступить. Пряди темных волос упали на ее глаза и щеки, судя по всему, они ей не мешали, ни разу она не убрала их, не мотнула головой, чтобы откинуть их с лица.

Возможно, она была пьяна, а утренний туман оказался чересчур густым, потому она и перепутала городскую улицу с лесной заболоченной чащей, ведь только пьяному море по колено, а весенний промозглый холод не страшен. Снег стаял недавно, оголив землю, жаждущую тепла, как желали его люди, утомленные зимой. Тем более был странен ее наряд... Собственно, одежды на ней не было почти совсем. На теле ее болталась лишь комбинация-сетка, короткая, с тонким кружевом по краю, сквозь нее просвечивали крошечные трусики — разве это одежда?

Она, на вид почти девочка, тихо пела неизвестную мелодию, скорее всего, собственного сочинения, протяжную и какую-то неопределенную, — так могут напевать от горя, когда теряются в реальности, но и от счастья так тоже иногда поют, находясь в согласии с собой. Руки она подняла и перебирала пальцами в воздухе то ли в такт мелодии, то ли в такт своим шагам. Может, это и был своеобразный танец в ее представлении? Иногда она поворачивалась вокруг своей оси, обводя рассеянным взглядом сонную улицу. Чего или кого искала? В шесть часов утра, ранней весной, когда только-только рассвело, к тому же в глухом переулке, занавешенном туманом, ей никто не мог встретиться.

Внезапно она начала медленно заваливаться вбок, падать, ее тоненькие ножки попытались удержать тело, но оно все же перевесило. Посреди дороги она, упав, лежала на боку, словно бы отдыхала...

* * *

— Да что ты вцепилась в него обеими руками? — Артем попытался вырвать пистолет из рук Софии, но он словно прилип к ладоням. — Ничего себе хватка! В одну руку возьми!

— Тяжелый же! — заспорила она. — В кино стреляют, держа оружие обеими руками, это логично, так как пистолет не выпадет из рук при отдаче.

— Я сейчас умру от хохота, — мрачно сказал Артем. — Ты мне на слово поверь, что логичнее держать его в одной руке. Например, ты выгляды-ваешь из-за угла или ползешь...

— Зачем мне ползти? Я пресс-служба!

— Не пререкайся, сдавать стрельбу тебе все равно придется. Ладно, пока держи дву-

мя. — Стоя сзади, он поправлял ее руки. — Локти выпрями. В плечи, вернее в суставы, как бы упрись... Да зажми ты плечи! И спину. Погоди, нашлепки... — Он надел ей на голову наушники и крикнул: — Пли!

София зажмурилась, отвернула лицо в сторону, втянула голову в плечи и... выстрелила. Не слыша этого, она почувствовала, как Артем зашелся от хохота — его тело просто сотрясалось в конвульсиях. Заметив обиженное выражение ее лица, Артем укротил свой смех, но замечание все же ей сделал:

— Вообще-то желательно смотреть, куда ты стреляешь.

— У меня такое ощущение, что пистолет взорвется прямо в моей руке.

— Привыкнешь. Смотри: стоишь прямо, вытягиваешь руку и...

Он сделал один за другим несколько выстрелов, после чего нажал на кнопку, и к ним на шнуре приплыла мишень, прибитая в центре.

— Ух ты! — присвистнула София. — Три десятки, две девятки... и восьмерка. А давай посмотрим, куда я попала?

— Не-а, не стоит, потому что ты никуда не попала.

— Ты плохо объясняешь, — спихнула она причину своей неудачи на него. — Ты кричишь, психуешь, у тебя нет педагогических...

Оба оглянулись на вход, ибо оттуда донесся до них возглас Вовчика:

— Вот вы где! Я бегаю, ищу их, а они в тире! Товарищ капитан, вас срочно требует к себе Денисович.

— А что это ты ко мне на «вы» и с паузами? — недоумевал Артем.

— Как?! — вытарашил Вовчик бесовские глаза. — Вы не в курсе? Докладываю: вы делаете головокружительную карьеру, вам присвоено внеочередное звание за заслуги перед Отечеством. Ну, что вылупился? — хохотнул Вовка. — Ты теперь майор, да!

— Иди ты!

— Артем, я тебя поздравляю! — обняла его София. — Ты это заслужил.

На миг оба замерли, будто раздумывая: можно ли эту новость считать поводом, чтобы поцеловаться по-настоящему? Про Вовчика они забыли, но он напомнил им о себе: поднял вверх руки и с ухмылкой повернулся к ним спиной — мол, целуйтесь, я ничего против не имею. Это как раз и остановило Софию с Артемом: нехотя они отошли друг от друга на безопасное расстояние.

— Ну, иди к начальству, — смущенно сказала София. — Мне Вовчик объяснит, как надо палить из этой штуки.

— Я? С удовольствием! — Володя встал позади Софии, прижал ее спину к своей груди одной рукой, второй взялся за ее кисть с пистолетом. — Значит, так...

— Не забывайся, — грубовато ударил его Артем ладонью в плечо.

— А что такое? — невинно захлопал Вовчик лживыми глазами. — Я честно и открыто ухлестываю за Софией, ты разве не знал? Ничего, что она замужем, мужа можно и отодвинуть, но муж-то ведь — не ты...

— Ой, слушай больше этого болтуна, — фыркнула София. Проследив за уходом Артема до самого выхода, она накинулась на Вовчика: — Не пойму, что это за намеки? Дразнишь его?

— Дразню. И тебя — тоже, и тем самым толкаю вас на решительные действия. Пусть народная молва станет обоснованной!

— Какая еще молва? — завелась София. — Мы не успели и подумать о чем-то... таком, а молва уже разнеслась!

— Думать поздно, молва вас уже свела, а я лишь помогаю вам открыть глаза на самих себя.

— Какой ты добрый! — язвительно произнесла она. — Все, я не буду больше стрелять, а то, чувствую, мне захочется перестрелять распространителей этой молвы. Главное, ничего не было и нет! Меня это просто злит.

Вовчик услужливо помог ей надеть пальто, спросив:

— Что именно тебя злит? То, что «не было и нет»? Ну, если наш большой смелый Артем трусливо поджимает хвост, бери-ка ты инициативу в свои руки.

София развернулась к Вовчику и поднесла к его носу указательный палец, угрожающе заявив:

— Прекрати! Иначе даром тебе это не пройдет, я выцарапаю твои бессовестные глаза и с корнями вырву эти наглые рыжие кудри. Лысым станешь! Вы все меня провоцируете!

У нее резко испортилось настроение, потому что... Да, именно поэтому: слух пошел, а оснований к нему нет. Лучше бы уж были!.. О чем она только думает — ай-ай! Замужняя женщина с семилетним «стажем» брака... Нет, скорее, не со стажем, а со сроком, ибо жизнь с Борькой можно сравнить с тюремным заключением без права выйти на свободу хоть когда-нибудь.

— Да к черту его, — буркнула себе под нос София, направляясь к месту своей работы.

— А? — чуть наклонился к ней Вовчик.

— Ты еще здесь? — огрызнулась она. — Отойди на десять метров, а то на меня заведут дело за растление несовершеннолетних.

— Мне уже двадцать пять! — распетушился Вовчик.

— Ах да, я забыла... Но выглядишь ты еле-еле на пятнадцать...

Вовчик надулся, но промолчал.

— София! — кто-то позвал ее уже в коридоре управы, она оглянулась, и к ним подбежала Инесса, дознаватель и очень видная из себя женщина, в смысле издалека видная. — Сонечка, поедешь со мной?

— Куда?

— В многопрофильную. Туда доставили одну девчонку со странностями, врачи позвонили в милицию. Думаю, тебе будет интересно на нее взглянуть и сделать впоследствии персонажем своего романа. Мне такой облом — ехать в одиночку...

— Поехали, — согласилась София. — А на чем?

— Ну, если мы кого-нибудь отловим возле управы и если они согласятся...

— Понятно. Ладно, такси возьмем. Гуд бай, Вовка.

Около управы девочки лихорадочно просканировали всю парковку: дескать, кто тут хочет без нас отъехать? Нашелся один автомобиль, уже выпускавший выхлопные газы. София предпочла бы поймать такси, но она не успела повторить свое предложение Инессе: та закричала, срываясь с места:

— Артем! Артем, стой!

— Ты с пожара или на пожар? — бросил он, когда она открыла дверцу и нагло, без спроса,

10 плюхнулась на переднее сиденье.

Но это было не все.

— Соня! Иди сюда! Нас Артем отвезет, — командовала Инесса.

Пока София устраивалась на заднем сиденье, Артем, не желая выглядеть невежливым, все же возмутился:

— Инесса, по какому праву ты распоряжаешься? Я еду на убийство!

— Ну и что? — поправляя челку, пожала она плечами. — И нас заодно завезешь в многопрофильную.

— Это же в другой стороне!

— Ну и что? — повторила она. — Ты ж на колесах, а наш город за какие-то полчаса можно объехать вдоль и поперек, так что все ты успеешь. И вообще, убитые уже никуда не убегут, а вот ты... Не заставишь же ты двух красивых женщин трястись в трамвае, а потом топтать пешком?

Красота — это было бесспорно. Если считать сто двадцать килограммов веса личным преимуществом, то Софии рядом с Инессой делать просто было нечего. Вон как просел автомобиль, когда Инесса водрузила свою «красоту» на сиденье, теперь ее уже нельзя было выгнать или вытолкать — силенок не хватило бы ни у кого. Артем сдал назад и поехал, куда ему Инесса велела, ворча:

— Инесса, тебя встретить — не к добру, весь день потом пойдет наперекосяк.

— Ой, Артем! — взвизгнула она. — Ты же майор! Такой молодой, а уже начинаешь! Дай-ка я тебя поцелую, родимый...

— Не надо! — дернулся он, чуть не проломив дверцу.

— Боишься? Ха-ха-ха! — зловеще, но все же шутливо расхохоталась Инесса. — Пра-

вильно. Я ведь колдунья, от меня потом непросто будет уйти!

Автомобиль остановился у больницы, и девочки выгрузились. Немного подождав, чтобы Инесса его не услышала, Артем окликнул Софию. Когда она вернулась и, открыв дверцу, заглянула внутрь, он торопливо проговорил:

- Часов в шесть вечера я за тобой заеду.
- И что тогда?
- Звездочки мои поедem обмывать, м-м?
- Угу, — улыбнулась она. — Пока.

Заведующий неврологическим отделением оказался человеком контактным, он не корчил из себя неприступное светило медицины и очень обрадовался девушкам из ментовки:

— Привезли ее с переохлаждением, в бессознательном состоянии, а потом к нам перевели, — рассказывал он им по пути в палату. — На мой взгляд, ее бы в «дурку» отвезти.

— Психованная? — осведомилась у него Инесса.

— Да черт ее знает, какая! Сами посмотрите. Есть одна подозрительная деталь: когда ее привезли, девушка была вся в крови. На ней самой — ни царапины, ни следов травм, ни кровоподтеков, значит, кровь — не ее.

— Одежду девушки вы куда девали?

— Одежду? Ну, если сеточка на бретельках и, пардон, трусики — это одежда, то мы все это сохранили, даже в пакетик положили.

— Хотите сказать, что ее нашли голой?!

— Именно это я и сказал: голой и босой, на улице.

— Угу — ограбление, — вывела Инесса. —

12 Она-то что сама говорит?

— У нее сейчас сами и спрósите. Не забудьте выяснить, как ее зовут и где она живет, нам она ничего не сказала, поэтому мы вас вызвали. Прошу... — доктор открыл дверь.

В двухместной палате на одной из коек лежала хрупкая брюнетка в застиранном до безобразно-серого цвета халате. Она приподняла юное личико с заостренным подбородком и с любопытством уставилась на женщин и доктора, а может, с опаской. Инесса деловито взяла стул, поставила его у кровати, плюхнулась на сиденье и достала папку. Девчонка с интересом следила за ее приготовлениями, словно впервые в жизни видела подобные движения, эти предметы и вообще людей. Приготовившись записывать, Инесса улыбнулась ей — широко, сердечно — и уже хотела задать первый вопрос, но девчонка ее опередила:

— Почему вы кривляетесь? — выпалила она.

Инесса могла обломать кого угодно, но — не в этот раз. Видимо, ей хотелось произвести хорошее впечатление на симпатичного доктора, которому она строила глазки.

— Давай я стану задавать вопросы, а ты будешь отвечать? — предложила она.

— Не хочу, — отказалась девочка, укладываясь обратно на кровать и устремляя взор в потолок.

— Как это — не хочешь? — В интонациях Инессы слышались грозные нотки. — Тебя нашли на улице, без документов, раздетой, всю в крови. Что же случилось? Куда ты шла, откуда? Где была до утра?

Девочка не отвечала, просто смотрела куда-то прямо перед собой, заложив руки под подушку. София поняла, что Инесса не сможет провести допрос: к сожалению, она попросту

не понравилась девочке, совсем не умеющей деликатничать. Но это — издержки современного воспитания.

— Понимаешь, — сказала ей София, присев на край кровати, — у тебя наверняка есть родители, представь, как они волнуются! Если бы мы знали твою фамилию, нашли бы их, сообщили бы им о тебе, они приехали бы...

— Да, да, — тусклым голосом проговорила девочка, — я почти уверена — родители у меня есть... но я не помню!

— А как тебя зовут?

— Меня... не знаю... Я знала, но забыла.

— Что было вчера, ты помнишь?

— Вчера было... шумно, весело... и много дыма. Потом пришла ночь... очень холодная, и огни, огни... огни мелькали по бокам...

— Наверно, она ехала в автомобиле, — тихо пробубнила Инесса, записывая все это.

— Автомобиль... — произнесла девочка мечтательно. — Тепло, мягко... и качало... Спать хотелось. Потом свечи... много-много... На полках, на столах — повсюду свечи! И вдруг все погасло. Потом — я одна... а вокруг... снег или пар... Почему вы ко мне пристаёте?! Уходите!

Она свернулась калачиком, спрятав голову под одеяло. София жестом предложила врачу с Инессой выйти, а сама наклонилась к ней:

— Я навещу тебя. Что-нибудь тебе принести?

Из-под одеяла доносилось лишь слабое сопение. София вышла в коридор, где врач выдал ей диагноз:

— Амнезия. Или шизофрения. Или то и другое вместе. Или же она просто косит под дурочку, я не психиатр, а невролог...

— А разве это не одно и то же? — осведомилась Инесса.

— Нет! Короче, делайте с ней что хотите, только заберите ее отсюда.

— Издеваетесь? — Софию разочаровал этот врач, показавшийся ей вначале настоящим человеком. — Куда же нам ее забрать? В «обезьянник»?

— Куда хотите! Вы же видели, у нее не все дома, налицо скрытая агрессия. Вдруг она антисоциальна? Вам известно, на что способны неадекватные люди? У нас около сотни таких в отделении лежит, плюс медперсонал, и вы считаете, что мы должны ими всеми рисковать ради этой пигалицы? Почему она была вся в крови? Может, она убила кого-то? Может, она вообще зомбированная, запрограммированная на какие-либо дикие поступки?

— Кстати! — встрепенулась София. — Где именно на ее теле обнаружили кровь?

— На ладонях, но она их явно обо что-то вытерла. На локтях и животе, на бедре... на правом бедре. На груди... Короче, эти пятна сфотографировал мобильником наш травматолог, идите к нему и прихватите с собой эту — без имени и памяти!

София собралась уже наругать доктору, но Инесса это сделала вместо нее, выступив вперед:

— Слушай, что это ты развыступался, будто палата — твоя собственность? Боишься за жизнь больных и за свою? Так запри ее! Зачем так орать на всю больницу? Девочка нуждается в медицинской помощи, и, пока мы не установим ее личность вкупе с диагнозом, не вздумай ее отсюда выставить, иначе в «обезьянник» залетишь ты сам за подобное равнодушие!

— Нет такой статьи, — огрызнулся побагровевший доктор.